

імператываў, у аснове якіх ляжалі ідэі прадуманасці, каштоўнасці мастацкай ідэі і выкшталцонай формы.

Прага мастацкіх навацый, абнаўлення паэтыкі жывіла творчасць Міхася Стральцова. У знакамітым эсе “Загадка Багдановіча” (1969) Стральцоў прыгадаў палемічны верш М. Багдановіча і зазначыў, што Сальеры і Моцарт у творы Пушкіна – антыподы па сваіх адносінах да кампазітарскай працы і да жыцця. Моцарт – вольналюбівы стваральнік, Сальеры – слуга мастацтва, які збіраецца аднавіць парушаную небам справядлівасць: “Ну, а калі ў адчай чалавек, калі больш, чым Бога, увазлюбіў сваё рамяство (так, рамяство, гэта ж харошае слова), а ўзнагароды няма? Калі хоча жыць у келлі, а не ў карчме? І хіба ён не лічыў Моцарта геніем? Канечне, лічыў! Не, тут было другое: абраза за прафанацыю мастацтва! Хоць несвядомую, але прафанацыю, так! І самае галоўнае – цаной геніяльнасці. Сальеры думаў, што гэтага нельга дараваць нават Моцарту” [3, с. 365]. Сальеры для Стральцова – непрымальны тып самаадданага служэння справе, якое мяжуе са злачынствам, творца, для якога мастацтва засланыя жыццё і прызнаныя чалавечыя адносіны.

У 1998 годзе быў напісаны верш Р. Барадуліна “Сальеры”, дзе вобраз Сальеры набываў недвухсэнсоўнае ацэнчнае значэнне, становіўся ўвасабленнем крывадушнасці і зайздрасці. Генезіс такой трактоўкі этычнай пазіцыі персанажа, думаецца, у аднабаковым, спрошчаным успрыманні пушкінскага Сальеры, магчыма, выкліканым і папулярнасцю экранізацыі п’есы, дзе рэжысёр таксама спрасціў характары, і ўплыву бытавых уяўленняў пра герояў твора. Вобраз Сальеры выкарыстаны паэтам для акцэнтавання ўзаемаадносін у творчым асяроддзі: “У творцы свой Сальеры персанальны, / Па сумяшчальніцтву – таварыш, брат. / Каб думкі творцы не пазасыналі / Заплечны брат размове шчырай рад” [4, с. 154]. Сапраўдны творца па-свойму наіўны, пазбаўлены меркантильнасці, а Сальеры ў мастацтве і жыцці заўсёды самасцвярджаюцца за кошт знакамітасцей, каля якіх знаходзяцца: “Стараюцца пацець халодным потам, / Сыцеючы на дармавым аўсе. / І службу дружбай называюць потым, / Зрабіўшы мемуарамі дасье” [4, с. 154].

Заклучэнне. Мастацкая інтэрпрэтацыя вобраза Сальеры беларускімі пісьменнікамі па сваёй сутнасці суб’ектыўная, этычна ці эстэтычна аксіялагічна завостраная. У вобразе пушкінскага Сальеры кожны аўтар выбіраў пэўную лінію, што становілася аб’ектам эстэтычнай ацэнкі: Максім Багдановіч – разуменне творчай працы, Міхась Стральцоў – усведамленне Сальеры суадносін жыцця і творчасці, Рыгор Барадулін – этычныя імператывы, накіраваныя на самасцвярджанне і самаапраўданне.

1. Эко, У. Открытое произведение: форма и неопределенность в современной поэтике; пер. с итал. А. Шербелева / У. Эко. – СПб.: Академический проект, 2004. – 384 с.

2. Багдановіч, М. Выбраныя творы / М. Багдановіч. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 1996. – 494 с.

3. Стральцоў, М. Выбраныя творы / М. Стральцоў. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 2015. – 652 с.

4. Барадулін, Р. Выбраныя творы / Р. Барадулін. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 2008. – 383 с.

ПОТЕНЦИАЛ МОДЕЛЕЙ ДЕРИВАЦИИ И ДИВЕРГЕНЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Е.П. Бобрикова

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Немало работ написано о потенциале семантических деривационных моделей, о прогностическом характере и систематизации лексико-семантических процессов [1; 2]. Такой подход к изучению лексико-семантических групп и тематических полей является весьма эффективным в силу семантической близости изучаемых лексических единиц. Однако следует внимательно отнестись к явлению дивергенции однокоренных и этимологически родственных лексем в разных языках, поскольку несмотря на кажущуюся близость семантических изменений, модели таких слов будут различаться [3]. Нередко в одной лексико-семантической группе продуктивными являются несколько моделей, которые, в свою очередь, учитывают не только языковые, но и экстралингвистические факторы.

Цель – обосновать целесообразность применения ретроспективных этимологических исследований для верификации этимологических данных и систематизации лексического материала различных языков. Межязыковой подход, включающий сравнительный анализ дивергентных этимологических данных, а также данных корпусов текстов германских языков обусловил актуальность данного исследования.

Материал и методы. Материалом послужили лексемы германских языков, восходящие к одному источнику, семантика которых подверглась дивергентным изменениям, что инициировало развитие семантики лексем по разным деривационным моделям. Методом сплошной выборки, сравнительно-историческим, а также диахроническим и дефиниционным анализом удалось выявить случаи дивергенции и обосновать релевантность семантического моделирования в лексико-семантических исследованиях.

Результаты и их обсуждение. Согласно лексикографическим источникам, зафиксирован ряд случаев абсолютно отличающихся моделей деривации лексем с общим происхождением. Так, ярким примером могут послужить такие исторические процессы, как амелиорация английской лексемы *knight* ‘рыцарь’ [4] и пейорация однокоренной немецкой лексемы *Knecht* ‘работник, батрак’. Также как и в других германских языках, древнеанглийская лексема *cniht* обозначала ‘мальчик, слуга’. Однако уже с XI века в семантику лексемы прочно вошло значение ‘военный, сопровождающий короля или знать’. Именно в период Столетней войны произошло преобразование лексемы, что в дальнейшем приведет к изменению доминантной семы и утраты первоначального значения. Уже в XVI веке данная должность считалась престижной и привилегированной, что отразится в коннотации слова. С XVII века фиксировались случаи метафорического употребления лексемы: *a knight of brush* ‘художник (досл.: рыцарь кисти)’. Так, именно экстралингвистический фактор изменил вектор семантического преобразования данной лексемы, что и спровоцировало отдаление от этимологического значения. При семантическом моделировании деривации лексем всегда учитываются лингвистические и нелингвистические факторы, что дает преимущество в получении достоверного описания лексики в этимологических исследованиях [3; 4].

Примечателен случай семантического преобразования английской адъективной лексемы *rank*, восходящей к средне датской лексеме *ranc* и средне нижненемецкой *rank*, которые, согласно лексикографическим источникам, имеют в основе одну и ту же индоевропейскую основу, семантика которой обозначает ‘честный, правильный, прямой’, в протогерманском корне произошло незначительное преобразование значения лексемы – ‘вертикальный, прямой, честный’. В результате, наряду с сохранившейся базовой семой ‘стройный, ровный’, семантическая структура датской лексемы пополнилась коннотативным значением ‘худощавый, дряблый’, а нижненемецкая лексема – узкоспециальным значением ‘составление списка (в овцеводстве)’. Что касается английской лексемы, то она подверглась радикально разнонаправленным семантическим преобразованиям: произошло пополнение смысловой структуры слова такими значениями, как ‘сильный, гордый, бравый’, так и ‘грубый, мерзкий’, а также произошел переход на описание параметрических количественных значений, о размере и интенсивности – ‘буйный, сильный, слишком большой, богатый, обильный’. Именно построение семантических деривационных моделей и выявление аналогичных процессов может прояснить данные семантические процессы в различных языках [3; 4].

В ходе исследования семантическая дивергенция такого характера наблюдалась и среди групп лексем объединенных этимологией, общим корнем, при этом в современном варианте языков они принадлежат к разным тематическим полям и лексико-семантическим группам, что подтверждает целесообразность ретроспективных исследований по отношению к статично диахроническим. Особую роль в процессе семантической дивергенции сыграла близость социумов, исторически сложившиеся языковые контакты. Исследуя явление дивергенции однокоренных лексем близкородственных языков, Р.Л. Траск обращал внимание на то, что несмотря на близость и родство немецкого и английского, такие лексемы, как нем. *klein* ‘маленький’ и англ. *clean* ‘чистый’, восходящие к одному протоиндоевропейскому корню **gel* ‘яркий, сияющий’, семантически претерпели дифференциацию в своих языках и в результате утратили семантику общего этимона. Это ставит под вопрос достоверность родства данных лексем. В связи с этим в некоторых трудах Р.Л. Траск нередко высказывал мнение, что есть некий эффект «случайно-

сти» в родстве слов, а также призывает проводить дополнительные исследования этимологического родства при помощи семантического моделирования [5, 229].

Заключение. При классическом подходе к реконструкции семантики слов, в отличие от реконструкции формы, наблюдаются этимологические лакуны. Ретроспективный диахронический подход, учитывающий поэтапное преобразование семантики лексем, способствует внесению ясности в случаи дивергентных изменений семантики лексики. Таким образом, исходя из выше приведенных примеров, семантическое деривационное моделирование позволит дать детальное описание семантическим процессам не только в отдельно взятых группах лексем одного языка, но также и в сравнении с лексическим материалом других языков.

1. Бобрикова, Е. П. Системный потенциал семантических деривационных моделей и внутренней формы / Е. П. Бобрикова // Вестник МГЛУ. Сер. Филология. – 2018. – № 5 (96). – С. 75–84.
2. Бобрикова, Е. П. Прогностика аналогичных деривационных процессов у лексем со значением «множество» / Е. П. Бобрикова // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова». – 2015. – Т. 20. – С. 184–188.
3. Durkin, P. The Oxford Guide to Etymology / P. Durkin. – Oxford University Press, 2009. – 347 p.
4. Oxford English Dictionary [Electronic resource] / ed. by L. Brown (ed.-in-chief) [at al.]. – Electronic data and programme (645 Mb). – 4th ed. – N. Y.: Oxford Univ. Press, 2007. – 1 CD-ROM.
5. Trask, R. L. Historical Linguistics / R.L. Trask. – London: Arnold, 1996. – 280 p.

АДАПТАЦИЯ ПОЛОНИЗМОВ В ЯЗЫКЕ СТАРОБЕЛОРУССКИХ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ «ПРОТЕСТАЦИЙ» ЯНА ЛИСОВСКОГО)

*Л.М. Вардомацкий
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Современное состояние белорусской историко-лингвистической науки позволяет делать достоверные выводы относительно истоков формирования белорусского языка и роли различных языковых заимствований в его современной лексической и фонетико-грамматической системе. Однако объем и границы таких заимствований все еще остаются предметом нередких дискуссий, разрешение которых зависит от достаточности выявленных и систематизированных языковых фактов.

Актуальность разрабатываемой темы определяется необходимостью накопления языкового материала и знаний в области исторических лингвистических взаимодействий, которые в итоге позволят более точно определить исторические процессы в области языка, сформировавшие современные восточнославянские языки и, в первую очередь, белорусский язык.

Цель работы – определить объем языковых заимствований и внутрилингвистические направления адаптации таких заимствований на примере конкретного памятника письменности.

Лингвистическое изучение таких исторических документов позволяет определить: 1) тематический состав пришедшей в белорусский язык иноязычной лексики; 2) последовательность и динамику проникновения в язык иноязычной лексики; 3) способы, условия и уровень фонетического, лексического и грамматического освоения заимствований языком-реципиентом.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужил документ от 6 июля 1633 года, известный историкам и языковедам под довольно длинным названием «*Протестация, занесенная в Полоцкия магистратския книги, со стороны ротмистра королевскаго, подвоеводы Полоцкаго Яна Лисовскаго, противъ мещан Полоцкихъ...*» [1,90]. Исследование проведено методом сравнительно-исторического анализа языка документа.

Результаты и их обсуждение. Находящаяся в нашем распоряжении копия названного документа представляет собой текст, исполненный кириллицей. Текст состоит из трех частей. Первая часть – предисловие писаря «*Места Полоцкокого*» Яна Дагилевича, который сообщает, что 6 июля 1633 года «*перед бурмистрами, райцами и лавниками*», собравшимися в ратуше полоцкой, выступил «*панъ Янь Лисовский, ротмистр его королевской милости*» с заявлением об измене полоцких мещан (*Здесь и далее графические особенности оригинала по техническим причинам упрощены.* – Л.В.). «*Черезъ эту измену Полоцкъ подвергся разорению*» со стороны войска московского. Основная часть документа – дословная передача заявления Яна Лисовского. И третья часть – указание писаря на то, что подвоевода Полоцкий Ян Лисовский просил, чтобы его жалоба «*до владу меского ратушиного*» была записана, что и было сделано.